

ЗАГОВОР НЕПРОФЕССИОНАЛОВ-2

или куда поехала крыша у бедной сакли российского парламента?

I

Прошло почти два месяца со времени появления в разных газетах, в том числе в "НГ", публикаций, недружным хором предупредивших читательскую массу о существующих в недрах российской исполнительной власти проблемах. Направленные против чрезмерного, по мнению авторов (в том числе и автора этих строк), влияния на действия российского Президента со стороны представителей старой номенклатурно-бюрократической элиты, публикации эти можно было бы интерпретировать и как попытку возобновления классовой борьбы - в ином политическом ракурсе.

Нижеследующий текст, с этой точки зрения, носит *внутриклассовый* характер, поскольку речь пойдет об интеллигентском политическом непрофессионализме, *дополнительном* к непрофессионализму бюрократов, "диктаторов-от-секретариата", пытающихся узурпировать функции политиков. Речь пойдет о попытке *политических* дилетантов узурпировать функции государственных чиновников, захватить у *исполнительной власти* всю *власть* себе, оставив ей лишь *исполнение* - и, разумеется, ответственность.

Дело в том, что внутреннее устройство номенклатуры, основанное на одноканальной ответственности - низших перед высшими - при полной безответственности самых высших, ничуть не менее деструктивно и бессмысленно, чем внутреннее устройство *советской демократии* - принципиально дилетантской системы, понимающей разделение властей как разделение власти и ответственности, перекадывающей всякий раз ответственность сверху вниз (и в сторону) - на правительственных "мальчиков для битья" (или "ребятишек" - как там у Хасбулатова?), - и в результате не отягощенной никакой ответственностью вообще.

Дело в том, в конце концов, что сегодняшние попытки российских депутатов во что бы то ни стало отвоевать исполнительно-распорядительные функции у Президента и правительства, как один умереть от голода в борьбе за ЭТО (власть Моссовета, например), любой ценой "приструнить" исполнительную власть - под каким бы предлогом эти попытки не предпринимались - ведут к дезорганизации государственной системы как таковой, к хаотизации жизни общества, к люмпенизации общественного сознания. Короче говоря, псевдодемократический беспредел - особенно сегодня, в момент попытки начать, наконец, реальную реформу - оказывается ничуть не лучшей формой социального самоубийства, чем номенклатурно-бюрократический реванш.

II

Кризис взаимоотношений законодательной власти и Президента стал явлю в "перерыве" между заседаниями V Съезда народных депутатов РСФСР. Раскол российского депутатского корпуса на две противостоящие друг другу примерно равные части - коммунистов, выполняющих команды аппарата ЦК, и демократов, объединенных самим фактом непрерывного противостояния коммунистической власти, раскол этот, бывший, как нам не раз приходилось утверждать, *основным*

формообразующим фактором политической структуры российского парламента, по сути дела, перестал существовать сразу по окончании существования "врага" - коммунистического *Центра*, якобы рухнувшего вместе с провалом августовского путча.

Уже в сентябре, собравшись на сессию, Верховный Совет *сразу*, безо всякой "подготовки", повел себя так, что стало ясно: вся политическая структура российского депутатского корпуса, сложившаяся за год "героического противостояния" с *Центром*, рассыпалась, как карточный домик.

В один неполный месяц работы парламента уложились: поддержка Моссовета в его противостоянии Попову по *одному из несчастных правильных* кадровых решений мэра (о руководстве милицией); принятие постановления о деятельности Совмина в непарламентской формулировке; "локальная война" с Ельциным вокруг выборов местной администрации, война тем более диковинная, чем очевиднее была бессмысленность и немыслимость назначения выборов на 8 декабря; дружный "завал" на выборах делегации России в ВС СССР демократических депутатов, объединенных лишь определенной прикосновенностью к исполнительной власти; наконец, заявление Р.Хасбулатова об отсутствии противоречий между Президентом и парламентом.

И оказалось вдруг, что позиция бывшего демократического блока, как таковая, *исчезла*. Возобладало *рефлекторное* отрицание потенциальных возможностей президентской власти, недоверчиво-пренебрежительное отношение ко вчерашнему "светлому символу" Ельцину. На фоне многолетней терпимости и всепрощения тех же депутатов-демократов к любым, самым одиозным, действиям Горбачева в период до 1991 г., по-женски жертвенной готовности в любой момент развернуть вновь знамена горболюбия, их же чисто женская склонность к ельцинофобии заставляет предположить, что личная обида, связанная с недообеспечением правительственными портфелями, играет далеко не последнюю роль.

"Центр" (он же "болото"), особенно бывшие "диссиденты" внутри группы "Коммунисты России", занял жесткую, непримиримую антипрезидентскую позицию.

Крайне немногочисленные проельцински настроенные демократы оказались дезориентированы и частично обезоружены тем, что их основным оппонентом внезапно стал Р.Хасбулатов, до последнего времени прокладывавший себе путь наверх под красочным лэйблом "ближайший союзник Ельцина" на выпуклом политическом фронте.

Быстро попавшие в новую струю парламентаского руководства "коммунисты России" сразу же принялись блокироваться с Хасбулатовым на антидемократической платформе против "радикальных демократов", не гнушаясь объединяться и с ними, если речь шла об оппозиции Президенту. И при этом коммунисты всегда и всюду, при всех голосованиях *действовали предельно скоординированно*, меняли позиции на 180 градусов одновременно и согласованно, *выявляя наличие единой партийной тактики*, направляемой из "подпольного" центра и нацеленной на всемерную дезорганизацию, традиционный большевистский развал работы парламента любыми средствами - чтобы затем, как это у них водится, пожить на пепелище.

Накануне и во время "второго V Съезда" конфронтационный напор депутатского корпуса, казалось, чуть поутих. Парламент пошел на компромисс в вопросе о выборах глав администрации, Съезд - после трудных согласований -

откликнулся на просьбу Ельцина и предоставил ему урезанные полномочия для осуществления реформ, - и даже Хасбулатов, выплеснув весь запас своих рыночных отношений к некоторым чересчур много об себе понимающим ребяташкам из окружения Ельцина, на короткое время погрузился в отработку имиджа деликатного и тактичного спикера цивилизованного законодательного собрания.

Но было бы непростительно наивным принять внезапное затишье за чистую монету.

Готовился к решению кадровый вопрос - важнейший из всех важнейших вопросов советской политической проблематики. Успокоить, временно замирить хотя бы часть недавних "своих" - демократов, так и не сумевших (и не захотевших) летом переломить себя в пользу Хасбулатова - было совершенно необходимо в ситуации "достигнутой договоренности" с недавними врагами - коммунистами, своевременно и твердо осознавшими: более подходящей фигуры среди российских депутатов на сегодня просто не существует, если иметь целью еще больший парламентский хаос, быстро ведущий к поражению конструктивных элементов антиноменклатурного движения.

Так или иначе - результат оказался достигнут: Хасбулатова избрали Председателем ВС. Избрали *голосами коммунистов* - анализ сопутствующих поименных голосований по параллельным вопросам убедительно свидетельствует, что никакой сдвижки демократов в сторону Хасбулатова не было, и что *не ими* был обеспечен решающий перевес.

И тут стремительный поток парламентской процедуры вдруг выносит на поверхность законодательной власти укомплектованную команду руководителей. То, чего Ельцину не удавалось сделать год подряд, Хасбулатов обустроил за несколько минут (плюс, надо понимать, какое-то количество часов на закулисные переговоры). Более того: авторитетный в "демосрийских" кругах и тесно спаянный с Хасбулатовым совместной работой С.Филатов, вполне демократичный (по прошлым Съездам), опять же, лично лояльный Хасбулатову и не имеющий политических амбиций *провинциальный экономист* В.Шумейко, *провинциальный юрист* Н.Рябов, вместе с провинциальными коммунистами Ю.Яровым и Ю.Ворониным, внезапно образовали сплоченную, понимающую друг друга с полуслова и опирающуюся на подавляющее большинство депутатов руководящую команду, команду, которой не было и не могло быть у Ельцина, вынужденного - тогда еще вместе с Хасбулатовым - постоянно лавировать в окружении "шестерки" и с опорой на демосрийское *меньшинство*.

В результате "ротации" состава Верховного Совета, в дополнение к слаженной "верхушке", появился и вполне соответствующий корпус членов ВС.

Значительно более демократичный, если судить по "рейтингам" I-IV Съездов, состав этот, как показывает анализ, оказался таков, что по любому вопросу противостояния парламента Президенту можно быстро получить до 90% антипрезидентских голосов. А изъятие из состава Президиума ВС В.Югина и - прежде всего - такой "силовой конструкции", как С.Шахрай (с заменой на конструкцию, прямо скажем, несколько иного типа в лице М.Митюкова) превратило высший орган законодательной власти в такое симпатичное, сверкающее, хорошо смазанное и соблазнительно висящее на стенке ружье, что ждать последнего акта пьесы не было никакой возможности. Палить принялись сразу.

III

Логика действий Хасбулатова накануне второго V Съезда создавала впечатление *логики политической агонии*. Предъявляя себя в качестве искреннего и наиболее мудрого соратника Ельцина, Хасбулатов в любой ситуации почему-то умудрялся безошибочно выбрать *самое* ошибочное в данный момент решение, разваливая и стравливая друг с другом последние остатки здравомыслящих демократов.

Последнее, в сочетании с *аморальным* зачастую стилем ведения заседаний, заставляло говорить не только о *политической дезориентации*, но и об исчезновении элементарных *нравственных регуляторов* не то что в парламентском - в обычном межчеловеческом общении.

С началом функционирования "правительства реформ" оценка ситуации меняется кардинально.

Теперь и речи уже быть не может о дезориентации или о непонимании. Слаженный механизм парламентского ружья заработал по-механически четко и целесообразно. Надо понимать, у него - у механизма - появилось уже и собственное, автономное стремление, свойственное любому аналогичному механизму в аналогичной ситуации. ВПК в демилитаризируемой стране, партаппарат и хозактив в либерализируемой стране, наконец, Верховный (!) Совет в стране, переходящей к президентской форме правления, связаны общей судьбой, озабочены общей бедой, обречены действовать вместе.

На первом же заседании ВС, посвященном знакомству с только что назначенными руководителями нового правительства, Хасбулатов не скрывает раздражительно-пренебрежительного отношения к очередным "ребятишкам" во главе с трижды пресловутым Бурбулисом. Внешне Хасбулатов пока еще корректен, но в словах "спикера" уже сквозят интонации, которые в недалеком будущем окрасят атмосферу парламентского обсуждения любых вопросов деятельности правительства в родные советские тона трамвайной перебранки. Во всяком случае, настоятельно порекомендовав Е.Гайдару, экономисту с высокой репутацией и представителю продуктивной научной школы, советоваться с таким более известнейшим специалистом в области экономики и финансов, как Ю.Воронин, Хасбулатов, надо признать, вполне честно наметил направление дальнейших взаимоотношений правительства и парламента: именно Воронин раскручивал в тяжкие зимние месяцы 1991 г. дутую спираль подложного "дела о 140 миллиардах", призванного еще тогда угробить слишком реформистское, по мнению воронинских начальников, правительство Силаева.

В течение последующих двух недель кампания приструнения правительства разворачивается во всю ширь.

Фанфарно завершившаяся комплексным отлупом правительственных актов, прошедшая неделя, наконец, продемонстрировала стержень новой парламентской процедуры. Забравши себе банк, Гохран, антимонопольный комитет, Верховный Совет готовит во глубине своих руд проекты решений о создании новых и новых *исполнительно-распорядительных структур* - при каждом комитете, даром что не при

каждом депутате. Во всяком случае, по имеющимся данным, такие идеи оформляются сегодня во многих руководящих законодательных головах.

Сплоченная команда Хасбулатова не обладает сегодня полнотой власти, но возможности ее в области блокировки правительства совершенно уникальны и превосходят даже пределы коммунистического вероятия. Пределы раздвигаются хотя бы тем, что не перед кем "оправдываться" - парламентской силы за спиной у Ельцина нет, население не успело осознать, что Президент и парламент (российский парламент!) вовсе не одно и то же, а средства массовой информации... Это вот самое удивительное. Пожалуй, никто сегодня не осознает до конца, что СМИ практически монополюльно контролируются руководством Верховного Совета!

Автору неизвестна подоплека событий, повлекших за собой отход председателя Ростелерадио О.Попцова от правительственных кругов, но факты говорят сами за себя - такой беззастенчивой цензуры телетрансляций сессии ВС не допускало даже кравченковское телевидение: из записи просто берутся и изымаются *все* выступления, которые мало-мальски убедительно противостоят руководящей точке зрения. Поелику возможно ограничены и возможности "проправительственной пропаганды" на российском радио. Что же касается газет - то если не считать кондово-лояльной "Российской Газеты", то никто - от возглавляемой бывшим помощником Хасбулатова "России" до "отцов и детей" из "МНБ" - не в состоянии (да и не собирается) обеспечивать сегодня правительство тем, в чем оно нуждается, как в кислороде - скоординированной информационно-пропагандистской поддержкой, делающей *фактом общественного сознания* намерения, конкретные действия и источники помех.

Более того, характерной особенностью сегодняшнего российского mass media становится инспирирование общественной истерии. Непредубежденный анализ информации, приходящей с мест по независимым каналам, показывает - уровень доверия к Президенту и правительству у населения странным образом довольно высок, соответственно, запасы социального оптимизма далеко еще не исчерпаны - и уж во всяком случае, далеко еще (пока) до той бездны безысходности, в которой давно уже плещутся многочисленные массовые информаторы. К сожалению, сознание людей восприимчиво к внушению, и выдуманная из головы злонамеренных рисовальщиков кусачая бяка-закаляка вполне способна, если чертовски хорошо поработать, повергнуть в ужас широчайшие массы трудящихся.

Вдобавок за спиной у правительства вырисовывается еще один грозный товарищ Верховного Совета по утрате контроля за рычагами власти. Загадочные, если исходить из целесообразности, и вполне объяснимые, если исходить из обратной постановки, трудности в хозобеспечении работы министров, затыки и срывы на уровне гаражей, техники и складов - все это суть признаки оборонительной войны, которую ведут в интересах *десятков тысяч* присосавшихся к власти сотрудников руководителей ХОЗУ, ЛОЗО и прочих административно-хозяйственных ХЗЧ.

Все они понимают - обретение *действенных* полномочий первым в истории России правительством, обоснованно борющимся за звание цивилизованного, означало бы конец среды их возможного советского существования. Примитивные, дурно понятые личные интересы (привычка принимать за обеспеченность меньшую, чем вокруг, степень нищеты), инстинктивное стремление к тому, чтобы депутатский

значок оставался лычкой на гражданском погоне, все это вместе взятое и порождает ту унылую картину, которую являет собой в последнее время российский политический ландшафт.

И трамвайно-плекхановский уровень полемики спикера с министрами, и пустота тривиальных велеречивостей, выдаваемых за истину, Святым Духом изреченную, и беспредельно примитивная, потрясенная собственной безнаказанностью коррупция административно-хозяйственников из старого министерского аппарата (а в то время как радио повествует на весь мир об умопомрачительных проделках Ю.Прошина, начальника ХОЗУ администрации Президента, чья-то недрогнувшая рука включает его в состав *правительственной* делегации, сопровождающей Ельцина в Германию) - все это доказывает одно: инстинкт системосохранения превосходит силой все прочие инстинкты, в том числе самосохранения, не говоря уже о доводах разума. Инстинктивно-рефлекторное отторжение нового устройства жизни подталкивает объединенных в союз демократов и бюрократов в объятия к смертельно раненному монстру - ВПК - который, тихой сапой объединяя в неформальные и *организационные* структуры полуставной директорат со свеженазначенным генералитетом, вполне уже готов к тому, чтобы привести в действие механизм автоматического подрыва.

IV

Чем же объяснить, что на смену "великому противостоянию" коммунистов и демократов, политически и ситуативно обусловленному глубокой социальной потребностью в устранении номенклатурной системы, пришел своего рода проблемный вакуум, тут же заполнившийся не сложной системой равновесий и противоречий по различным социально-политическим вопросам, свойственных цивилизованным парламентам, а хаотическим, но вполне сонаправленным движением индивидуальных амбиций и эгоистических устремлений?

Начнем с того, что избирательная кампания 1990 г. была обустроена властями *именно так*, чтобы в российский парламент прошло как можно меньше профпригодных людей. Спринтерские сроки выборов, "игольное ушко" ограничений при организации собраний по выдвижению, информационная блокада и т.д. резко повысили роль *случайного фактора* при формировании российского депутатского корпуса. Времени на глубокое понимание и разделение кандидатов между собой на основе их программ и деловых качеств не было, и для победы на выборах оказывалось достаточно "значка" типа "за Ельцина", "хороший директор - даст нам жилье", "за коммунистов" и т.д.

Поэтому "демократическое крыло" депутатского корпуса, действовавшее в течение первого года сплоченно и направленно (с подачи коммунистов), на самом деле было разнородным и разрозненным, составленным из очень разных людей, зачастую не имеющих - не административного, не милицейского и военного - а именно *политического* опыта, *политических* способностей - опыта и способностей, основанных на глубоком понимании процессов в стране и обществе, на ответственности за дело, которая должна несколько превышать стремление к самоутверждению любой ценой, - короче, опыта и способностей, вырабатываемых многолетней (и отсутствующей у нас в стране) традицией независимой общественной самодеятельности.

Соответственно, "демократическое крыло", не имея никакой привычки к цивилизованной регламентации политической практики, *по необходимости* восприняло в парламенте атмосферу митинга, подменив парламентскую демократию демократией *вечевой*.

Такая демократия вполне соответствовала, с одной стороны, ситуации усиливающейся борьбы за власть, а с другой - непарламентской сущности Советов как органов, обладающих *всей полнотой власти*, своего рода многоэтажных "революционных конвентов". Соответствовала "вечевая демократия" и амбициям многих демократических депутатов - этих партизан "холодной гражданской войны", их склонности к самоутверждению за счет обладания хотя бы частью *распорядительно-распределительных и контрольных* полномочий.

С введением президентства, поддержанного многими демократами просто *по инерции борьбы* за усиление позиций демократического движения, против номенклатурно-коммунистического "Центра", неожиданно произошло катастрофическое для многих превращение "Конвента" (*высшего органа власти*) в "Конгресс" (*орган законодательной власти*). Оказалось, что цивилизованный законодательный контроль - это вовсе не вечевое всевластие, не шляхетский беспредел множества суверенных "не дозволям!", то есть вовсе не то, что только и насыщает смыслом существование мелкомасштабных политических дилетантов.

Естественной реакцией на такое изменение, в сочетании с отмеченными выше человеческими качествами определенной части депутатского корпуса, и стала *рефлекторная оппозиция* Верховного Совета *любым* действиям независимой исполнительной власти.

Заметим, что сама идеология президентской республики в принципе неприемлема для людей, о которых идет речь.

Уже сегодня от многих - в том числе последовательно демократических, честных политиков - можно слышать, что президентская республика неприемлема для России с ее исторической приверженностью к автократии, что парламентская республика по самому своему устройству более демократична и устойчива к диктатуре.

Не отвлекаясь на очевидные примеры с Германией 30-х годов - типичной парламентской республикой - укажем лишь на один, очевидный для непредубежденного читателя, момент. На самом деле отличие между парламентской и президентской республиками вовсе не в степени демократичности, а в характере распределения упомянутых выше исполнительно-распорядительных и *распределительных* (коль скоро они существуют) полномочий. В парламентской республике, в отличие от президентской, эти полномочия распределяются между большим количеством людей, давая возможность прикоснуться к "пирогу реальной власти" самым разным - вовсе не обязательно мощным и высокоразвитым - политическим структурам.

А для *советского* политика, с его неурезанной *советской* политической ментальностью, *ничего*, кроме исполнительно-распорядительных (а в первую очередь - распределительных) полномочий в качестве *собственно власти* не существует. И ситуация, при которой к этим полномочиям - в ходе президентских выборов - приходит кто-то *один* - по необходимости опирающийся на массовые общественные настроения и объединяющий в своих руках не только власть, но и эквивалентную

ответственность - ситуация эта неприемлема для сотен разнопартийных активистов, мечтающих самоуправно (и, по возможности, свалив ответственность на кого-нибудь третьего) поруководить хотя бы мизинчиком разъятого на части государственного организма.

Есть и *еще один очень важный фактор*.

Дело в том, что *подрывная деятельность* - основная тактика коммунистов. Начиная с Ленина, отдавшего половину страны немцам ради сохранения большевистской диктатуры в Москве, да что там - начиная с Петруши Верховенского с его бесовской тактикой доведения ситуации до "усиления сверх обычного нужды и бедствий народных масс", коммунисты всегда были начисто лишены той специфической формы ответственности цивилизованных политиков, которая обязывает одного президента США в течение двух месяцев вполне лояльно сдавать дела другому - даже победившему предыдущему на выборах.

Поэтому ситуация демократического хаоса отвечает самым сокровенным чаяниям коммунистических реваншистов и будет всемерно ими поддерживаться и обостряться. Ситуация разгрома путча, деморализовавшая их в первый момент, теперь выступает как дополнительный стимулирующий фактор, придавая "комуроссам" мужество отчаяния - и ненависти.

Явно недооценен и такой серьезный фактор, как "пятая колонна" коммунистов в демократическом движении. Как известно из опыта Восточной Европы и из практики диссидентского движения в СССР, спецслужбы широко практиковали внедрение своих агентов в ряды оппозиции с целью организации, во-первых, осведомительской деятельности и, во-вторых, деятельности по подрыву изнутри возникающих центров общественного сопротивления тоталитарному режиму.

Это, и не только это, заставляет предполагать, что, как и в странах Восточной Европы, в рядах бывшего оппозиционного движения, ныне ставшего правящим, имеется определенный - и весьма значительный - процент лиц, внедренных в это движение с целью подрыва его изнутри в интересах прежнего режима. И, если наблюдать за происходящим без шор излишнего прекраснотушия, можно, вообще говоря, даже без ссылок на европейский опыт и без дополнительных исследований разглядеть многое и узнать знакомый источник. Во всяком случае, в действиях некоторых демократов просматривается слишком много стратегически скоординированных с коммунистами ходов, чтобы не заподозрить, что речь должна идти *в лучшем случае* об "агентах влияния" КПГБ, становящихся - после ликвидации собственно КПГБ - в недрах новой власти тем самым смертельно опасным хвостом обезглавленного бронтозавра.

V

Каковы ближайшие перспективы развития событий вокруг российского правительства?

Согласно нашим подсчетам, по вопросам проведения правительством **экономических реформ**, а тем более по вопросам, связанным с **усилением полномочий исполнительной власти**, предстоит регулярное объединение в Верховном Совете как демократов, так и коммунистов на платформе противостояния Президенту - на уровне 70-80% общей численности палат.

При этом можно с большой уверенностью утверждать, что сегодня, захватив плацдармы, заслуженно мнимые стратегическими, команда Хасбулатова уже ни под каким воздействием Президента не пойдет на конструктивный компромисс. Единственной содержательной основой компромисса могло бы быть для них отстранение ключевых членов нового правительства и подчинение Ельцина непосредственному руководству Президиума ВС.

Как в свое время Горбачев и прочие советские мыслители, не представляющие для себя возможности корректировать свои позиции под влиянием доводов разума, так и Хасбулатов сегодня склонен интерпретировать Ельцина и логику его поступков в примитивно-уничижительном духе, всячески раздувая (для себя) миф о внушаемости и управляемости Ельцина. А потому единственной задачей становится вбить клин между Президентом и правительством, что делается хотя и на весьма убогом уровне, но зато очень интенсивно.

Следующим этапом - как и в случае бывших коллег по ЦК - станет понимание того, что Ельцин такой же участник враждебной команды, как и все остальные. Тогда неминуем политико-пропагандистский обвал, к которому с радостью подключатся как союзно-коммунистические силы, так и статусная горбофильская интеллигенция. При отсутствии сегодня у исполнительной власти независимых каналов влияния на общественное мнение положение Президента быстро станет катастрофическим.

Действия правительства, обложенного со всех сторон разъяренной хозуправленческой уголовщиной и сомкнувшимися рядами местными административными структурами, будут всякий раз - по мере надобности - блокироваться и аннулироваться Верховным Советом. В атмосфере всеобщей паники, переходящей из выдуманного состояния в реальное, под лязгающие звуки взбодрившегося военно-промышленного комплекса, становится куда как реальным созыв очередного чрезвычайного Съезда.

А поскольку ущербная Конституция РСФСР с поправками позволяет Верховному Совету и Съезду третировать Президента с любой степенью интенсивности, вполне возможно и успешное повторение "акции имени шестерки", причем с любыми последствиями - от импичмента до внесения в Конституцию изменений, лишаящих Президента власти и без импичмента.

И никакие доводы разума, никакие прекраснотушные рассуждения об "одной лодке", никакие обращения к здравому смыслу не помогут идеологам правительственной политики преодолеть угрюмую силу инстинктивного комбедовского стремления к власти (вернее, к властным полномочиям), движущую сегодня деппутатский корпус - вместе со страной - навстречу теперь уже действительно необратимому хаосу. Совместное "героическое прошлое", общность политических позиций - всего этого можно считать что и не было.

Ибо известная тема "профессор у власти", коль скоро речь идет о советском профессоре и советской власти, всегда сводится к тому, что интеллигентность в советских условиях оказывается особо изощренной и высокоразвитой формой невежества.

VI

Реакция на экстремальную ситуацию с помощью "автоматического подрыва ракеты" ни в коем случае не может быть допущена, коль скоро речь идет о государстве с многомиллионным населением.

По-видимому, понимает это и новое российское правительство - во всяком случае, вроде бы есть основания подозревать наличие у этого нового образования некоторых признаков интеллекта. Что же оно может сделать, кроме как уйти в отставку - ко всеобщему дружному удовольствию? Давайте исходить из следующего.

Президент не может распустить Съезд и назначить новые выборы; отклонение президентского "вето" требует не 2/3, а простого большинства; Президент стоит перед необходимостью подкрепления реформ постоянным законодательным процессом (в отличие от старых демократий, где за парламентом зачастую остаются только бюджетные функции, поскольку законодательная база существует уже давно).

Не предпринимать никаких действий Президент тем более не может.

Возможные направления активности определяются прежде всего отсутствием у Президента конституционных рычагов преодоления сопротивления депутатов.

Президент мог бы принять решительные меры по восстановлению взаимопонимания с демократическими радикалами. Однако в отсутствие навыков политической дисциплины, при условии роста не подкрепленных заслугами амбиций, договориться может оказаться невозможным. Пришлось бы заключать слишком много договоренностей, которые, впрочем, другая сторона не задумалась бы в любой момент нарушить.

Давно муссируется и тема прямой апелляции к народу. Но к каким конкретно последствиям она может привести? По опыту других республик, референдум о недоверии ВС проводится на волне массовых выступлений, забастовок, демонстраций и т.д. - того, чего Россия себе сегодня позволить не может при любых обстоятельствах. В любом случае, референдум о доверии ВС - конфронтационный, вызывающий и не предусмотренный Конституцией шаг.

Поэтому, пожалуй, очень трудным, но единственным приемлемым вариантом было бы форсирование конституционного процесса. Вынесение на референдум проекта Конституции, в который было бы включено, в разделе о введении в действие, и положение о скорейшем роспуске Съезда и избрании нового законодательного органа, либо поддержка требований радикальных демократов о немедленном созыве Учредительного Собрания, призванного принять новую Конституцию (и вынесение на референдум вопроса об Учредительном Собрании) могло бы взорвать изнутри позиции нынешнего депутатского монолита.

Однако и тогда перед либеральным правительством встала бы трудноразрешимая задача в кратчайшие сроки подыскать себе соответствующую "либеральную партию", которая смогла бы создать на всех этих выборах, референдумах и в рамках новых представительных учреждений жизненно необходимый для преобразований цивилизованный политический фон.